

О „ПИКОВОЙ ДАМЕ“.

I

«Пиковая Дама» возникла на путях смыкания бытовой новеллы с исторически-документированным материалом. Элементы фантастического „гофмановского“ стиля в последний раз прозвучали здесь в пушкинской прозе, замыкая линию „Гробовщика“ и замысла „Уединенного домика на Васильевском острове“. И если сквозь фантастику „Гробовщика“ явственно видна уже реалистическая мотивировка, то „Пиковая Дама“ — столь же произведение высокого художественного реализма, как и тончайшей, едва не переходящей в мистику, фантастики.

Несмотря на незначительный объем и предельную сжатость выражения, эта повесть имеет узловое значение для пушкинской прозы — в ней как в фокусе слились важнейшие основные линии пушкинского повествования: здесь и герой с демоническими чертами, из Сильвио (в „Выстреле“) превратившийся в Германна, и чередующиеся зарисовки картин исторического прошлого Франции и России (как в „Арапе Петра“), и городской быт маленьких людей (отрывки из „Романа в письмах“, „Мария

Шонинг“), и попытки светского, „гостинного“ романа („Пелам“, неоконченные прозаические наброски) и мистический ответ, борющийся с трезвым реализмом („Гробовщик“), и документация исторической дворянской повести ссылками на исторических людей (метод „Дубровского“ и „Капитанской Дочки“).

Между тем „Пиковая Дама“ — одно из немногих прозаических произведений Пушкина, от которого не дошло до нас ни одной рукописи. Дошли лишь приступ к повести („Года 4 тому назад жил я“) и один отрывок (о Шарlotte Миллер и Германне), условно приурочиваемый к повести, да трехстрочная зачеркнутая запись с именами Чекалинского и Нарумова: „Чекал. глазами отыскал Нарумова. Как зовут Вашего приятеля — спросил Грн. у Нар. —“.

Датировка повести до сих пор не выяснена. Вероятно, Пушкин, использовав свои старые черновики, писал „Пиковую Даму“ осенью 1833 г. В селе Павловском должны были ожить перед ним старые материалы „Романа в письмах“, связанные с Павловским же, могли быть использованы в „Пиковой Даме“ (письмо 8-ое, воспитанница Лиза).

В Болдине (октябрь-ноябрь), отдыхая после Оренбургского путешествия, обдумывая „Пугачева“, Пушкин так характеризовал свою жизнь жене: — „начал многое“, „я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины.

Надеюсь что Смирдин аккуратен“. И еще: „недавно расписался и уже написал пропасть“ (30 октября).

По сообщению П. В. Нащокина, Пушкин сам однажды читал ему „Пиковую Даму“. Это вряд ли могло быть в дни свидания их (26-29 августа) в Москве. Скорее, если принять, что повесть написана в Болдине, такое чтение происходило в середине ноября (до 20-го), когда Пушкин возвращался из Болдина через Москву в Петербург и вновь виделся с приятелем.

Собираясь, согласно договоренности со Смирдиным, участвовать своим урожаем 1833 года в организованной Смирдиным „Библиотеке для чтения“, Пушкин 6 декабря 1833 года просит Бенкендорфа о разрешении ему сотрудничать в этом журнале. Очевидно, к этому времени, во всяком случае, „Пиковая Дама“ в основном готова. Несколько вышеприведенных фраз, касающихся последней сцены „Пиковой Дамы“ (знакомство с Чекалинским) сохранились на обороте письма Бенкендорфа от 26 февраля 1834 года.

Цензурное разрешение тома второго „Библиотеки для чтения“, в котором повесть была напечатана (стр. 109-140), помечено: „1834 года Генваря 31 дня“. Книжка вышла 1 марта. Пушкин подписал повесть только буквой „Р“ (Rouchkine), видимо, не желая раскрывать своего имени из опасений нападок со стороны „света“. Этой же буквой и раньше и позже

подписывал он вещи, авторства которых он почему-либо сначала не хотел обнаруживать — заметки в „Литературной газете“, „Скупого Рыцаря“.

Однако, уже 7 апреля 1834 г. он записал в своем дневнике: „Моя Пиковая Дама в большой моде — игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой Графиней и кн. Н. П. (Голицыной) и кажется не сердятся“...

Летом того же года Пушкин перепечатал повесть с легкими поправками при втором издании „Повестей изданных Пушкиным“.

II

Тема о волшебной карте, превращающейся в старуху, для Пушкина имела два круга источников. Прежде всего, личная практика „поэта-игрока“ сказалась. Где-нибудь над зеленым столом у Вьельгорских или Вульфов (Вульф приводит пушкинскую фразу: „Страсть к игре есть самая сильная из страстей“) мог возникнуть аналогичный миф о вещей карте и ее „оживления“, где-нибудь в кругу Загряжской или Голицыной могли быть слышаны обычные для игроков анекдоты об удивительной цепи случайностей.

Первые замыслы „Пиковой дамы“, надо полагать, восходят еще к 1828—1830 гг., годам, когда сам Пушкин был особенно близок к миру карт и игроков. Характерно, что эпиграфом к I главе выбран припев „рукописной баллады“ — „Так в ненастные

дни“, а эта игорная частушка безусловно восходит к 1828 году. В это время Пушкин нередко „всю ночь, увы, понтировал“, „отписывая мелом“ с А. Олениным, Киселевым, кн. Сергеем Голицыным и Полторацким; играя по выражению Вяземского „не на живот, а на смерть“. Книги по карточной игре сохранились в библиотеке поэта, строфы „Онегина“ посвящены картам, Сильвио и молодой Дубровский увлекаются картами...

Известны карточные битвы Пушкина с Великопольским (1828 г.). Его карточные встречи у Назимова, проигрыши москвичу-игроку Огонь-Догановскому (1830 г.) едва ли не сказались в выборе фамилии Нарумова и в образе Чекалинского. Сам Пушкин писал в январе 1832 г. „От карт и костей отстал я более двух лет“. Карточные воспоминания и черновые зарисовки мира игроков этих лет несомненно принадлежат первому слою „Пиковой Дамы“. Пушкин сам признавался:

Мне досталась на часть
Одна губительная страсть —
Страсть к банку! Ни любовь свободы,
Ни Феб, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в эти лета
Допрашивать судьбы завет,
Налево ль выпадет валет.

Уже раздался звон обеден,
Среди разбросанных колод
Дремал усталый банкومت,
А я все также бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Гнул угол третьего туза.

В связи с картами всплыла и легенда о Сен-Жермене. Вяземский сообщает о встрече старика Юсупова с Сен-Жерменом и их беседе о тайне долгоденствия. Нащокин указывает, что анекдот о Сен-Жермене, назначившем три выигранных карты старой Голицыной, прямо был рассказан Пушкину внуком самой „усастой княгини“.

Анекдот о магической карте пробудил в Пушкине и его знание широчайшей литературной традиции от внимания к примитивной литературе гадательных книг с тайной символикой карт (эпиграф к повести) через учет мемуарно-бытовой карточной легенды (Казанова, Калиостро), до использования общеизвестных в его время изображений жизни игрока в большой литературе (Гофман, Бальзак, Дю-Канж и др.).

III

„Пиковая Дама“, прежде всего, городская петербургская новелла. Место действия ее „одна из главных улиц Петербурга“... „дом старинной архитектуры“, позолота старо-дворянских *intérieure*’ов. С аристократическим Петербургом контрастно пере-

плетен и Петербург чиновничий, мелко-военный, гоголевский — с будочниками, с „Ванькой на тощей кляче своей“, с тусклыми фонарями, заносимыми снегом. В этом Петербурге нашел Пушкин „узкую витую лестницу в комнату воспитанницы“, одинокие хождения героя по улицам, „обеда в уединенном трактире“, горячечный золотой бред бедного инженерного офицера, живущего „в смиренном уголке своем“, галлюцинации, кончающиеся Обуховской больницей.

Противоречия одновременно и золотого и нищего Петербурга 30-х годов, его социальные контрасты — фон повести, раскрывающий возможность призрачных мечтаний о спасителе-золоте, которыми скованы мысли маленького бедного героя.

Соответственно с этим повесть строится Пушкиным вокруг трех основных „героев“. Между представителями двух социальных слоев (графиней и приживалкой), как протест против социальной действительности, возникает образ Германа с нарочито-подчеркнутой трезвенностью его натуры. Пушкин подсказывает этим, что обычный здоровый Германн, расчетливый и аккуратный немец Германн, внешними социальными условиями неизбежно обречен на трагедию. Как только к этому, в сущности уже горячему материалу, подносится огонь в виде анекдота-сказки о волшеббно-выигрывающих картах, он вспыхивает на этом пламени и испепеляется.

Первая „героиня“ — старуха. Она несомненно задумана Пушкиным как сатирический символ старого придворного общества. Не даром чувствуется боязнь Пушкина, чтобы не рассердились при дворе на это зеркало... В самом деле, верхушке дворянского общества, „свету“ — в грибоедовских тонах был преподнесен довольно горький портрет влиятельнейшей дворцовой фаворитки, „знатной старухи“, холодной эгоистки, самодурки, участвовавшей „во всех суетностях большого света“, „таскающейся“ на балы „как уродливое и необходимое украшение бальной залы“, принимающей у себя „весь город“, страшной мумии, качающейся „по действию скрытого гальванизма“. Заостренность пушкинской сатиры особенно была опасна в том месте повести, где „славный проповедник“ говорит над гробом графини о ней как о „праведнице“, „которой долгие годы были тихим умилительным приготовлением к христианской кончине“ ..., которая „бодрствовала в помышлениях благих и в ожидании жениха полунощного“.

Характерно (на что никогда не обращалось внимания), что этот иронический выпад против лицемерия духовенства был еще более раскрыт Пушкиным, когда он увидел, что при дворе „не сердятся“. Тогда в издании „Повестей“ Пушкин, насмелев, счел возможным уже прямо заменить туманные слова „славный проповедник“ (которые могли относиться

и к светскому лицу) — словами: „молодой архиерей“.

Для изображения старой графини Пушкин тщательно всматривался в остатки уходящего века, в отживающих представителей класса, жизнь которого он хотел художественно закрепить. Такими живыми древностями, могущими играть роль исторического документа, были великосветские старухи: Загряжская и девяностолетняя Голицына — современница Елизаветы, жившая жизнью фрейлины при пяти императрицах. Конечно, рассказы этих старух были той почвой, на которой выросло угадывание эпохи, сочетавшееся с собственными переживаниями художника. В течение нескольких лет записывал Пушкин „Застольные анекдоты“ и „Разговоры“ Загряжской, принимавшей Пушкина по его словам „за своим туалетом, как хорошенькая женщина прошедшего столетия“. Живые особенности былой речи, интонации, словечки помогали художнику заглядывать за временную грань. По словам Вяземского, Пушкин „ловил при ней (Загряжской) отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую и поэтическую“.

Вторая, контрастно противопоставленная первой, героиня — Лизавета Ивановна. Пушкин уже в 1829 году обратил внимание на тип воспитанницы в так называемом „Романе в письмах“. Здесь были

подчеркнуты в первом письме героини (также Лизы) тягостная зависимость положения воспитанницы, „мелочные горести“, неразлучные „с этим званием“, болезненные уколы, „когда самолюбие прилежно замечает и малейший оттенок небрежения“. Пушкин утвердил в литературе тип героинь, „состоящих на правах дальних родственниц, demoiselles de compagnie“, перенеся этот тип „смирненной демократки“ в „Пиковую Даму“. Здесь героиня еще упрощена, еще более снижена социально. Лизавета Ивановна превращена в полу-служанку, лишенную интересов, нарисована „горечь зависимости“ бедной приживалки, „домашней мученицы“. Поразительно внимание, с которым Пушкин, не без влияния гоголевского „натурализма“, остановился на болезненных переживаниях этого забитого существа, на теме „горек чужой хлеб“ и даже на картинах обстановки — „бедной комнате, где стояли ширмы, оклеенные обоями, комод, зеркальце, крашенная кровать и где сальная свеча темно горела в медном шандале“.

Устроив в эпилоге повести мещанскую судьбу Лизаветы Ивановны, Пушкин вскользь дал один примечательный типизирующий штрих: „У Лизаветы воспитывается бедная родственница“. Читатель волен догадываться, что на последней бедная Лиза вымещает собственную школу жизни.

Третий — в сущности говоря главный, единственный герой повести — Германн.

Он пренебрегает любовью Лизаветы Ивановны и жизнью старой графини, потому что ему, одержимому страстью (пусть это всего только подсказанная новой эпохой страсть к наживе), кажется „все дозволенным“. Германи — огненная душа демона, Мефистофеля, Наполеона, заложенная в оболочку бедного, аккуратного инженерного офицера. Несоответствие взрывает форму. Пушкин один из первых дает в русской реалистической литературе картину почти клинического анализа этого стремительного процесса. Германи — несмотря на свои индивидуальные отличия, — родич Езерского „Родословной моего героя“ и Евгения „Медного Всадника“. Родич и по протесту и по безумию. Почти рядом с ним, за ним идет уже гоголевский Поприщин.

Любопытно, что в том же томе „Библиотеки для чтения“, где появилась „Пиковая Дама“, напечатана рецензия („Литературная Летопись“) на драму „Игроки“, сочинение А. С., шедшую 5 февраля 1834 г. В рецензии, между прочим, говорится: „Страсть к азартным играм — гибельнейшая страсть... Сколько выведено на сцены, — Испанскую, Английскую, Немецкую, Французскую, Шведскую и Русскую — жертв несчастной страсти... В драме „Игроки“ выведен молодой человек, завлеченный игроком — разбойником в его сети, он проигрывает все свое имение, лишается обожающей его подруги, и делается невольным убийцею ближнего“ и т. д.

*

На таком фоне появилась перед современниками повесть Пушкина. И, несмотря на ряд традиционных черт сюжета, обнаженных даже в этой вульгарной рецензии, напечатанной рядом, повесть Пушкина была сразу же отмечена, не спутана с обычным ходовым жанром. Ее стиль, вдохновенная быстрота и легкость переходов полу-волшебного, полу-реалистического сюжета, уже в единодушных оценках современников сделали „Пиковую Даму“ классическим произведением.

„Вы начинаете новую прозу“... „Это язык ваших стихов, понятый и оцененный равно во всех классах, который вы переносите в вашу прозу рассказчика“ восторженно писал Пушкину Сенковский.

Германн — „колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип“ сказал позже Достоевский.

„Пиковая Дама“ осталась одним из наиболее мастерских созданий дворянского периода русской литературы.

Д. Якубович.

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Серия: „Последние годы
творчества Пушкина“

— 1833 — 1837 —

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 3